

БЕЗУМІЕ И ВѢРА.

Безуміе для вѣрующаго — понятіе иное, чѣмъ для психіатра. Каббала называетъ его «перестановкой свѣтильниковъ». Болѣе всего это относится къ тому роду заболѣваній, таинственно всплывающихъ и уходящихъ, который порожденъ не органическими процессами, а вѣчными законами души. Различіе душъ и своеобразіе ихъ природы обусловливаетъ ходъ этой болѣзни, по существу религиозной и выростающей изъ раздвоенія челоуѣка между добромъ и зломъ, между Богомъ и грѣховностью.

Разладъ невѣрующаго разума и души переполненной сознанія вины переживается здѣсь — мистическая трагедія души — не только какъ видѣніе въ скрытыхъ нѣдрахъ душевнаго міра, а какъ живая дѣйствительность. Разумъ раздвоенъ и въ высшемъ своемъ составѣ перенесенъ въ духовныя сферы бытія, удѣлъ же души идти по пути страданія и искупленія. Послѣдній аккордъ — вѣра, ставшая знаніемъ.

Не отрицая клиническую картину болѣзни, я хочу за предѣлами ея, указать на міръ сокровенный, не подлежащій рационалистическому разсмотрѣнію и менѣе всего объясненію. Сознаніе нормальнаго челоуѣка, связанное предначертанымъ порядкомъ, протекаетъ привычными путями. Но вотъ незримая рука переставляетъ огоньки на пути не погашая ихъ — и прежній порядокъ нарушенъ, нарушена такъ называемая нормальная жизнь, — и возникаетъ иное: «безуміе». Въ бездну проваливается разумъ, не постигая болѣе здравого смысла жизни. Дремавшая доселѣ сила новаго сознанія избавлена отъ узъ своихъ; душа сбрасываетъ тѣсныя оковы и прорывая грань, совершаетъ взлетъ свой въ міръ ирреальный, близкій къ высшей реальности.

Безуміе — это страшная катастрофа, страшное насильственное потрясеніе всего существа, подобное землетрясенію, изъ глубинъ извергающему пламя и темную лаву, и сокрушающему поверхность. Но сама болѣзнь есть лишь проявленіе изначальнаго и значительнаго происшествія: бунта духовнаго, вулканическаго изверженія впутренняго міра. Сосуду несовершенному надлежитъ быть разбитымъ, дабы въ новомъ, расширенномъ объемѣ могъ онъ пріять и вмѣстить болѣе высокое содержаніе. Во имя болѣе совершенной природы сокрушается низшая, несовершенная природа. Все ограниченное, все неживое и разлагающееся стирается и смывается въ огненномъ потокѣ вѣчныхъ мукъ. Въ мучительныхъ боляхъ рождается новый міръ. Не только на пути въ Дамаскъ являетъ Господь себя челоуѣку. И въ стѣнахъ желтаго дома таятся благодѣянія ясли Виолеемскія. Въ терновомъ пламени постигаетъ больная душа божественный законъ, дабы, по избавленію своемъ, преклониться передъ чудомъ небесной любви.

Быть можетъ въ этомъ и заключается *метафизическій смыслъ* подобнаго заболѣванія. Его *религиозный смыслъ* — въ искупительномъ страданіи. Проходя черезъ всѣ круги ада, душа кровью своей платитъ дань за грѣхи прошлаго и за милость въ будущемъ. Такимъ образомъ болѣзнь является сильнѣйшимъ религиознымъ переживаніемъ: откровеніемъ міра невидимаго, и посвященіемъ въ мистеріи бытія духовнаго: умираніемъ и воскресеніемъ.

И раньше уже челоуѣкъ жилъ въ какомъ то смутномъ предчувствіи; все видимое казалось ему недѣйствительнымъ — люди маріонетками на искусственныхъ нитяхъ. Неодолимо росло ощущеніе скрытаго смысла всего происходящаго; медленнѣе

текла кровь въ жилахъ, вставляли вѣще сны, вспыхивали озаренія.

И вотъ, внезапно, занавѣсъ взвился, — началась божественная комедія! Въ этотъ же мигъ нить, связующая душу съ окружающимъ міромъ, порывается, — никто не знаетъ болѣе, что происходитъ въ этой душѣ, — общеніе невозможно, словъ нѣтъ, — между міромъ и душой разверзлась бездна.

Одинокимъ и обособленнымъ вступа-етъ духъ человѣка на трудный и опасный путь свой страстной, черезъ лабиринтъ превращеній. Дерзкой и тщетной попыткой представляется желаніе описать этотъ ирреальный міръ реальнѣйшихъ страданій*).

Лишенная спасительного клубка Ариадны и опоры просвѣтительнаго Вергилія, одинокая душа потерялась въ міровомъ пространствѣ, словно отверженная Богомъ и вселенной, словно тѣмъ и дьяволу обреченная. Уничтоженная и до послѣднихъ предѣловъ униженная, она пресмыкается на землѣ, терзаемая и пытаемая всѣми пытками ада, гонимая фуриями, самой себѣ и другимъ на поруганіе преданная, а умиранію нѣтъ и нѣтъ конца!

Въ этомъ лихорадочномъ бѣгѣ переживаній нѣтъ передышки, нѣтъ остановки, — *время перестало быть*, — и вѣгъ всякой послѣдовательности, среди мученій, непостижимымъ образомъ испытываетъ душа трепетъ отъ близости Божества. Передъ лицомъ вины своей, выявляющейся въ невольной исповѣди, она содрогается передъ видѣніемъ небесной красоты и гармоніи. Погруженная въ вѣчность, она перестала быть, она стала лишь зрительницей, хотя мученія ея не прекращаются; — душа безсознательно впитываетъ въ себя познание. Вселенная звучитъ діонисовой печалью, все творящееся сопровождается ритмами монотонно-экстатическаго гимна, наполняющаго собою душу. Міръ сталъ музыкой. Перенесенная въ сѣдое прошлое, душа переживаетъ начало вѣковъ и рожденіе міоа. Священная символика,

*) Самое значительное и глубокое о подобномъ душевномъ состояніи было высказано ясновидцемъ Э. Сведенборгомъ и святой Катериной Генуэзской.

глубокія связи, вѣковыя нѣдра раскрываются передъ ея духовнымъ взоромъ, — древнія видѣнія, мифическія личности воплощаются вновь. Хамелеономъ проносится душа сквозь цѣль превращеній, сознавая единство вселенной. Языкъ звѣрей, безъ словъ, понятенъ. Усталый кошачій взоръ говоритъ ей о вѣкахъ. Слеза состраданія въ глазахъ собаки трогаетъ ее сильнѣе человѣческой жалости. Мученичество лошади, самого одинокаго изъ земныхъ существъ, исполняетъ ее жгучимъ чувствомъ вины, — и въ яркихъ образахъ является ей звѣриное Божество, какимъ зрѣли его древніе народы. А сквозь все это кроваво-алой лентой змѣится мука... Любовь, отчаяніе и смерть, — и нѣтъ смерти, — и дикій вопль о концѣ!...

Но срокъ исполненъ. Занавѣсъ падаетъ. Чары исчезли. Въ трезвомъ свѣтѣ нашей реальной жизни стоитъ выздоравливающая, освобожденный, проясненный и обновленный, въ крови своей омытый и очищенный человѣкъ. Но — или это лишь кажется ему? — никогда ужъ ему не улыбнуться, ибо забыть — невозможно.

Отнынѣ переживается имъ скрытый смыслъ Священнаго Писанія, — замкнутыя врата раскрываются разуму, и подобно Лазарю, разбуженная къ новому бытію, душа воскареаетъ къ свѣту. Безмѣрность боли, затаенная любовь, высокое и безконечное — все, все сливается въ одномъ скорбномъ потокѣ, разрывающемъ душу и тѣло — и, наконецъ, разряжается въ молитвенно-экстатическомъ жестѣ! **...

Въ Евангеліи рассказывается про больного, который не иначе какъ черезъ крышу могъ попасть къ Иисусу, ибо остальные пути и ходы были уже заняты болѣе счастливыми и здоровыми. И вотъ пришлось разобрать «крышу» и поднять туда больного. Не то же ли происходитъ и въ религіозномъ безуміи, самомъ таинственномъ и опасномъ прорывѣ къ Богу?

Эли Эльсонъ.

*) Рѣчь идетъ, конечно, о чисто субъективномъ, а не объ общемъ переживаніи. И конечно же, тутъ не болѣзнь утверждается, а лишь сдѣлана попытка освѣтить самую тяжкую изъ всѣхъ болѣзней духовнымъ смысломъ.